

Николаев Г.А. "Сознательное отношение к языку" и словообразование / Г.А.Николаев // Исследования по русскому языку. Под ред. Е.Калишана. - Познань: Изд. Познанского университета, 1999. - С.89-94.

Фактор "сознательного отношения к языку" его носителей занимает более значительное место в языковой эволюции, чем то, которое ему до сих пор отводилось в исследовательской литературе. В.М.Марков, который ввел это понятие в обиход исторической русистики, относит его в область стилистики и отмечает разные формы его проявления: выбор одного из синонимических средств, одинаково приемлемых с точки зрения сложившейся нормы, определение критериев правильного и неправильного, допустимого и недопустимого, нарочитое употребление слов и форм, индивидуальное словотворчество и т.д. [1].

С подобным явлением мы встречаемся и в поэтическом языке, где поэт является и своего рода творцом языка, создавая "свои" образы, находя не найденные до него ассоциации между словами. Как справедливо отмечал в свое время В.М.Марков, в поэтическом контексте происходит преднамеренная (1 - Г-Н.) реализация "*возможностей, заложенных в системе языка*" [2]. Велик сознательный фактор и в нормировании литературного языка.

Особенно ярко "сознательное отношение к языку" наблюдается в переломные моменты его истории, когда происходит, в частности, и смена коммуникативных потребностей. Таким в истории русского языка был XVIII век, названный Ю.С.Сорокиным веком "*словесного эксперимента*" [3]. Пример такого "словесного эксперимента", а следовательно, и "сознательного отношения к языку" мы находим у М.В.Ломоносова, попытавшегося использовать форму колени (бывшую форму двойственного числа, исчезнувшего задолго до времен поэта) в тех контекстах, где речь идет об одном человеке, а форму колена, закономерную форму множественного числа от существительного колена, в контекстах, повествующих о множестве людей, причем это множество может быть выражено в поэтическом языке метонимическими формами. Ср.: Забыли что вы так считать, Что десять русских Швед прогонит?! Пред нами что колени клонит Хвастлив толь нашей славы тать (ПСС, т.УШ, 50); но: Восток и льдистый Океан Свои колена преклоняют (ПСС, т. VII, 140) и т.п.

Во всем этом можно видеть то, что Ломоносов, как крупный российский грамматист, предпринял попытку "восстановить" своего рода двойственное число для формы колени, сохранив за формой колена значение множественного числа. Для сравнения можно сослаться на старшего современника М.В.Ломоносова поэта и ученого В.К.Тредиаковского, который последовательно употреблял форму колена.

Авторитет М.В.Ломоносова был настолько велик в российской словесности ХУШ века, что некоторые писатели, даже противник его АЛ. Сумароков, поняв ломоносовскую дистрибуцию, сами стали применять ее в своем творчестве, хотя и непоследовательно. Ср. в оде М.Хераскова "*Чесменский бой*": Иный, уже покрыт завесой смертной тени, С оружием в руках валится на колени; но: К гибели твоей один остался шаг. Колена преклони свои Архипелаг(метонимия). И др.

Этот исторический пример красноречиво раскрывает нам специфику "сознательного отношения к языку" носителей языка в лице виднейших своих представителей. Во всех этих случаях "вмешательство" в языковую стихию происходит на уровне выбора из двух существующих вариантов (или синонимов) необходимой формы. И это один из наиболее часто встречающихся путей "сознательного отношения к языку".

Особенно показательны случаи сознательного вмешательства человека в те языковые процессы, которые заложены в системе языка, так сказать, "запланированы" ею, и осуществляются автоматически по существующим моделям. Речь, таким образом, идет о вмешательстве носителя языка в деривационные процессы и прежде всего в процессы словопроизводства. Словообразовательная система как система словообразовательных моделей (типов) работает действительно автоматически, так что мы можем от любого слова получить нужное нам производное, если это вписывается в "правила" словопроизводства. Эти возможности словообразования существуют в системе так называемых потенциальных слов. Их реализация может произойти на основании общеязыковых потребностей (происходят это обычно сразу в нескольких местах бытования данного языкового

коллектива), т.е. "законно", или по воле одного носителя, который как бы ускоряет процесс появления такого слова в языке, иногда при отсутствии общественной необходимости в этом. Современная русская поэзия переполнена такими словами, появившимися по воле поэтов. Такие случаи довольно хорошо известны читателям и достаточно подробно исследованы учеными.

В своем докладе я хочу обратить внимание на другие случаи, в которых человек по своему заставляет работать словообразовательную модель. Многие из этих случаев можно объединить в общее понятие "нарочитого словообразования". Как таковое оно чаще является средством создания языковых каламбуров и используется в литературе как художественное средство создания комического, в целях стилизации и т.д. Говоря подробнее о последней, нужно разграничить стилизацию в языке литературных произведений и в народном языке. Разграничения эти принципиальны в литературе - это стилизация, например, народной речи, она всегда сознательна. Ср. сознательно созданные Н.С.Лесковым слова по моделям "народной этимологии" и контаминации: бюстры (бюсты и люстры), пропуганда (пропаганда и пугать), мотариус (мотать и нотариус) и т.п. Известно, что "народная этимология" в ее исконном виде происходит на основе непреднамеренного преобразования внутренней формы непонятного носителем языка слова путем семантического, фонетического и морфологического сближения его с другим словом [4]. Другой тип стилизации мы имеем в разговорном (диалектном) языке, когда отдельные носители диалектов, желая в своей речи быть похожими на городского носителя языка, увеличивают в разговоре регулярность слов с книжными суффиксами (особенно с суффиксами **-тель** и **-ствие**): письмоводитель, средство, лекарство и т.п. Проявление "сознательного отношения к языку" в этих случаях несколько иное, чем в приведенных выше. Контаминация двух слов при образовании нового слова является одним из наиболее распространенных способов "нарочитого" словообразования. В этом способе отражается одна из общих тенденций современного русского языка - компрессия сообщения, поэтому случаи контаминационного словообразования встречаются в общелитературных текстах и служат здесь целям номинации, нередко с элементами оценочности и экспрессии. Ср. такие образования, как репух (репей и лопух) [5], кассетофон (кассетный магнитофон), витромат (витринный автомат), газомобиль (газовый автомобиль), молоток (молодец и молоток), демократура (демократия и диктатура), Евросима (Европа и Хиросима), а также популярные дерьмократ, говнир и т.д.

В основе контаминационного словообразования лежит способ сложно-сокращенных слов (типа завхоз), образующихся путем соединения усеченных начал слов. В отличие от последних в контаминационном словообразовании участвуют начало одного слова и "финаль" другого, при этом базовым сочетанием может быть не только подчинительное, но и сочинительное словосочетание. "Сознательным" является здесь уже построение производящих сочетаний. Общий механизм контаминационного словообразования может проявляться по-разному в отдельных случаях. Так, в некоторых из них присутствует каламбурное начало, нарочитость.

Показательным для нашего материала является сознательное создание омонимов путем изменения "внутренней формы" существующего производного слова за счет его дополнительной мотивации. Так, слово строитель осмысливается как образованное от слова строить и строить (т.е. выпить бутылку водки на троих), газон (автомобиль ГАЗ), засеренность местности (характеристика местности по наличию в ней серы) и т.п. Отмечая участие словообразования в создании комического, в частности, в создании каламбуров, где "сознательное отношение к языку" проявляется, можно сказать, в высшей степени, мы должны сказать о многообразии этого участия. Прежде всего укажем на столкновение омонимов, возникших путем семантической деривации. Так, еще у Н.В.Гоголя мы находим каламбурную фразу в его рассказе *"Майская ночь"*: *"И с той поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову..."* (гл. 2); *"У кривого головы в голове расселись клепки..."* (гл. 4) - столкновение омонимов голова (часть тела) и голова (староста малороссийской деревни). У А.П.Чехова в рассказе *"Когда козел бывает свиньей?"* (из небольшого собрания *"Майонез"*) слово свинья (ругательство), как омоним к слову свинья (животное), применено к козлу (а не человеку), что создает особо яркий каламбур. В.М.Марков, приводя этот пример в качестве иллюстрации своей идеи семантического словообразования в русском языке, замечает, что в такого рода случаях используются не

семантические вариации одного и того же слова, а комический эффект достигается неожиданным столкновением именно омонимов, *"самая разность которых в данном случае функционально важна"* [б].

Примером такого использования омонимов является и небольшой диалог двух персонажей известной кинокомедии Э.Рязанова *"Карнавальная ночь"*. На вопрос бездарного организатора карнавала Огурцова : "Лектор готов?" (к чтению лекции), один из участников карнавала, ведя под руку пьяного лектора, отвечает: "Готов" (совершенно пьян).

Кроме сближения семантических дериватов-омонимов преднамеренное словообразование раскрывается в создании морфологическим путем каламбурных паронимов, т.е. слов, близких по своим фонетическим и словообразовательным характеристикам к другим словам, хотя и отличающихся от них по значению, но имеющих с ними определенные ассоциативные семантические связи, как раз и создающие эффект комического. Обычно это паронимические образования являются новообразованными окказиональными формами. Ср. прилагательное мэрский (от слова мэр), паронимичное прилагательному мерзкий (в русском либретто к оперетте Ф.Легара *"Граф Люксембург"*: "Мэр, выполняйте свои мэрские обязанности"). Известны также такие образования этого типа, как импузантный (связь с импозантный и пузо), сексуал-демократ и др.

В ряде случаев "обыгрывается" явление, которое можно назвать "дедеривацией", т.е. употребление вместо производного слова-композиата его "исходного, базового" сочетания, переосмысленного и ассоциированного с близкими по звучанию словами. Такие явления нередко были представлены в сценическом творчестве А.Райкина. Так, например, известный советский сорт папирос "Беломорканал" (сложносокращенное слово на базе сочетания "Беломорско-Балтийский канал"), называемый в народе Беломор, А. Райкин разлагает на "составляющие" белый мор (*"Спустился я за белым мором"*), вызывая ассоциации у слушателей и зрителей с названием отравителей в русском языке (мухомор) и напоминая таким образом о вреде курения. Недавно этот прием был повторен Г.Хазановым (современным российским артистом- юмористом), который так же "разложил" фамилии двух известных современных российских женщин-политиков - Старовойтовой и Новодворской - на Старую Войтову и Новую Дворскую.

Своеобразными предшественниками этих юмористов были писатели- сатирики И.Ильф и Е.Петров, которые тоже "разлагали", но устойчивые фразеологические единства на свободные словосочетания, являя тем самым пример своего рода дефразеологизации. Фрагменты из романа *"Золотой теленок"* (кстати, само название романа - тоже дефразеологизированное сочетание "златой телец"): *"Этим я хочу точно указать то место, которое вы занимаете под солнцем"* или *"пешеход дальнего следования"* и т.п. Эти примеры, конечно, не имеют близкой связи со словообразованием, но они тоже весьма показательны для иллюстрации "сознательного отношения к языку". Это последнее, как мы видели, широко представлено в современном обществе, говорящем на русском языке. Но рассмотренными здесь случаями далеко не исчерпывается вся достаточно активная деятельность носителя русского языка, связанная с его преднамеренным "вмешательством" в ход естественных языковых процессов. А сама проблема соотношения сознательных и бессознательных (естественных) факторов в развитии языка относится к числу тех, которые должны получить теоретическое истолкование в нашей науке.

Примечания:

1. Марков В. М. Заметки по исторической стилистике русского языка // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. - Ижевск, 1978.-0.67.
2. Марков В. М. Спорные вопросы русского словопроизводства // Тезисы докладов межвуз. лингв. конфр. по вопросам теории русского словопроизводства. - Казань, 1958. - С.11.
3. Сорокин Ю. С. О "Словаре русского языка ХУШ века" // Материалы и исследования по лексике русского языка ХУШ века. - М.:Л., 1965. - С. 36.
4. Этому вопросу посвящены многочисленные работы представителей Казанской лингвистической школы (Бодуэна де Куртенэ, Крушевского, Богородицкого), детально разработавших теорию "народной этимологии".

5. Объектом нашего исследования послужили материалы, содержащиеся в выпусках "Новое в русской лексике: Словарные материалы" за 1977-1984 гг. изданные в 1980-89 гг.
6. Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. - Ижевск, 1981. - С. 17